

Фрэнк БРЕЙДИ

РОБЕРТ ФИШЕР: КОНЕЦ ИГРЫ

Удивительный взлет и падение
Бобби Фишера –

Путь американского гения,
окончившийся у края сумасшествия

Издатель «Андрей Ельков»
Москва 2015

УДК 794.1
ББК 75.581
Б87

Фрэнк Брейди
Б87 **Роберт ФИШЕР: КОНЕЦ ИГРЫ.** Москва, 2015, 448 с.,
12 с. ч.б. ил.
ISBN 978-5-906254-25-2

Биография Бобби Фишера, написанная его наиболее авторитетным биографом, десятилетиями следившим за феерическим взлетом и оглушительным падением шахматного гения.

Опирающаяся на семейные архивы семьи Фишеров, недавно рассекреченные документы ФБР и собственные и-мейл'ы Бобби, эта уникальная книга описывает *всю* жизнь-одиссею шахматного чемпиона из Бруклина, начиная с его небогатого детства и кончая портретами на обложках журналов «Таймс», «Лайф» и «Ньюсуик» – с признанием его «самым знаменитым человеком в мире»... до ошеломившего всех отшельничества.

Это наиболее полная, подробно документированная и объективная биография Бобби Фишера от человека, лично и хорошо его знавшего – с детских лет и до смерти.

Книга, ставшая бестселлером в США.

Фрэнк Брейди
Роберт ФИШЕР: КОНЕЦ ИГРЫ.
Перевод с английского, оформление *Андрей Ельков*
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тел./факс: (495) 963-80-17
e-mail: elkov_andrey@mail.ru; murad@chess-m.com
<http://www.elkov.ru>
<http://www.chessm.ru> – Интернет-магазин

ISBN 978-5-906254-25-2

© Брейди Ф., 2015
© Издатель Ельков А., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
1. ОТ ОДИНОЧЕСТВА К СТРАСТИ.....	9
2. ОДЕРЖИМОСТЬ ДЕТСТВА	31
3. ИЗ ГОЛОВЫ ЗЕВСА	54
4. АМЕРИКАНСКИЙ ВУНДЕРКИНД.....	104
5. ГЛАДИАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.....	139
6. НОВЫЙ ФИШЕР	155
7. ТЕОРИЯ ЭЙНШТЕЙНА	168
8. СТОЛКНОВЕНИЕ ЛЕГЕНД	186
9. ПРЕТЕНДЕНТ.....	200
10. ЧЕМПИОН.....	212
11. ВЫПАВШИЕ ГОДЫ	252
12. ФИШЕР-СПАССКИЙ, ВОЗВРАЩЕНИЕ	283
13. ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ	315
14. АРЕСТ И СПАСЕНИЕ.....	339
15. ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ В ИСЛАНДИИ	358
ЭПИЛОГ	387
ПОСЛЕСЛОВИЕ	397
Благодарности	403
<i>Примечания</i>	407
<i>Библиография</i>	443

ждения. Помимо этого я получил доступ к личным архивам его шахматного ментора Джека Коллинза и матери Бобби – Регины Фишер. Эти бесценные связки писем, фотографии и вырезки стали еще одним важным источником для книги. При чтении письма Бобби к Джеку Коллинзу, написанного десятилетия назад, Бобби словно оживает.

Независимо от того, презирает читатель Бобби или восхищается им – а легко можно сочетать и то и другое, как объяснят эти страницы – я надеюсь, его история покажет, что, несмотря на мятущуюся душу, он был серьезным и великим художником, чьей страстью было – *знать*.

Мы не можем, и, наверное, не должны, прощать Бобби его не вполне нормальные политические и антирелигиозные эскапады, но неправильно из-за этого предавать забвению его блистательные феерии на шахматной доске. По прочтении биографии я предлагаю читателю посмотреть – и изучить – его партии, – правдивое свидетельство тому, кем он был, и что есть его подлинное наследие.

Жил-был мальчик, шахматист, который открыл, что его дар состоял отчасти в ясном внутреннем видении возможных ходов каждой фигуры, как объектов с мерцающими или подвижными разноцветными световыми хвостами. Он видел живую ткань возможных ходов и выбирал из них те, в результате которых ткань становилась крепче, а напряжение самым сильным. Ошибки случались тогда, когда он выбирал не самые крепкие, а самые красивые прочерки света.

Из «Дева в саду», А.С. Байетт

Глава 1

ОТ ОДИНОЧЕСТВА К СТРАСТИ

«Я не могу дышать! Я не могу дышать!», – крики Бобби Фишера заглушались черным капюшоном, плотно натянутым ему на голову. Ему казалось, что он вот-вот задохнется, что смерть совсем рядом. Он яростно дернул головой, пытаясь высвободиться.

Два японских охранника придавили его к полу ярко освещенной камеры, один сидел у него на спине и прижимал его руки к бокам, другой держал за ноги – лилипуты на поверженном Гулливере. Легкие Бобби были сдавлены, и он не мог нормально дышать. Ему казалось, что рука его сломана в только что окончившейся потасовке, рот кровоточил.

– *Значит, так я умру*, – подумал он. – *Узнает ли кто правду о том, как меня убили?*

Во мраке не отпускала одна мысль – неужели просроченный паспорт – причина заключения его в тюрьму. События 13 июля 2004 года развивались стремительно. После трех месяцев пребывания в Японии Бобби собрался лететь на Филиппины. Он прибыл в токийский аэропорт «Нарита» примерно за два часа до вылета. За стойкой регистрации офицер иммиграционной службы ввел номер его паспорта: Z7792702 – стандартная процедура. Прозвучал негромкий звонок, неторопливо зажглась и замигала красная лампочка. «Пожалуйста, сядьте, мистер Фишер, пока мы не закончим проверку».

Бобби это смутило, но не испугало. Вот уже двенадцать лет он кочевал из страны в страну – Венгрия, Чехословакия, Германия, Филиппины, Япония, Австрия, никогда не

имея проблем с таможенной и свободно пересекая границы. К заграничному паспорту понадобилось добавить дополнительные страницы, поскольку уже не оставалось места для внесения новых записей, но эту проблему он решил в американском посольстве в Берне, Швейцария, еще в ноябре 2003 года.

Мозг точила мысль – правительство США, наконец, его настигло. Он нарушил экономические санкции, наложенные Госдепом на Югославию, сыграв матч с призовым фондом в 5 млн долларов против Бориса Спасского на острове Свети-Стефан, Черногория, в 1992 году. Тогда же был выписан ордер на его арест. В США его ждал суд, и наказание, если признают виновным, составит лет 10 тюрьмы или 250 тыс. долларов штрафа, а может быть, и то и другое вместе. Друг Бобби позвонил в Госдеп в конце 90-х и спросил, может ли тот вернуться в США. «Конечно, может, – последовал невозмутимый ответ, – но как только самолет приземлится в аэропорту имени Дж. Кеннеди, мы его схватим». Как человек без гражданства, Бобби обосновался в Венгрии, и более не слышал ни единого слова от американского правительства. Прошло двенадцать лет и он посчитал, – достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Он сидел там, где ему указали, но постепенно его охватывал страх. Наконец, офицер иммиграционной службы попросил его следовать за ним. «Но я пропущу самолет». «Мы знаем об этом», – был короткий ответ. Следуя по длинному, узкому и темному коридору в сопровождении нескольких сотрудников службы безопасности, Бобби спросил, в чем, собственно, дело. «Мы просто хотим с вами поговорить», – ответил служащий. «Поговорить о чем?», – настаивал Бобби. «Просто поговорить», – повторил служащий. Бобби остановился, отказываясь идти дальше. Позвали переводчица, дабы избежать скандала. Бобби говорил с ним по-испански и по-английски. А секьюрити всё прибывали, и теперь уже около 15-ти человек в мрачном молчании окружали бывшего чемпиона мира по шахматам.

Появился еще один официальный представитель, который предъявил Бобби ордер на арест, в котором говорилось,

что он путешествует с недействительным паспортом, за что его подвергают аресту. Бобби возражал, что с его паспортом всё в порядке, и до истечения срока действия еще два с половиной года. «Позвоните в посольство США, чтобы они подтвердили ваши слова», – был ответ. Бобби потряс головой. «Посольство США – проблема, а не решение», – пробормotal он. Бобби боялся, что у представителя посольства США – если он придет в аэропорт – на руках будет ордер на его арест и требование на экстрадицию в США для суда над ним. Он хотел позвонить одному из своих японских шахматных друзей, но в доступе к телефону ему отказали.

Бобби развернулся и пошел куда-то в сторону, – путь преградил охранник. Другой охранник попытался надеть на него наручники. Бобби извивался, как мог, стараясь этому помешать. Несколько охранников принялись бить его дубинками, кто-то начал дубасить его кулаками. Он наносил ответные удары – руками, ногами, затем закричал, ухитрился одного охранника укусить за руку. Наконец, его повалили. Полудюжина охранников подняли его и понесли, держа за руки и ноги. Бобби всеми силами пытался вырваться из цепких рук, тащивших его в неизвестном направлении. Он яростно лягся, и ему почти удалось освободить руки. В этот момент на голову ему натянули черный капюшон.

Но если с его паспортом всё в порядке, тогда – что происходит? Высказывания Бобби на еврейскую тему и по поводу преступлений США вызвали сильную реакцию, но разве американские граждане не находятся под защитой Первой поправки*? Какая взаимосвязь, в конце концов, между его мнением и его паспортом?

Может быть, налоги. Со времени неудачного иска Бобби в 1976 году против журнала «Лайф» и одного из его авторов по поводу нарушения условий контракта, он настолько разочаровался в судебной системе, что отказался платить какие-либо налоги.

* Первая поправка Конституции США, гарантирующая, в частности, свободу слова.

Хватая ртом воздух, Бобби попытался войти в состояние Дзен, чтобы очистить свой разум. Он перестал сопротивляться, и его тело расслабилось. Охранники заметили перемену. Они освободили ему руки и ноги, остановились, церемонно сняли капюшон, а затем покинули камеру, – забрав с собой его ботинки, ремень, бумажник и... к особому огорчению Бобби – футляр из буйволовой кожи для паспорта, купленный им много лет назад в Вене. Но он был жив... по крайней мере, пока.

Подняв глаза, он увидел неизвестного мужчину с видеокамерой, снимавшего происходящее сквозь прутья решетки. Через несколько минут он исчез. Бобби выплюнул обломок зуба, отбитого либо одним из ударов, либо в момент, когда его бросили на пол, и спрятал его в карман.

Лежа на холодном цементном полу, он чувствовал, как в руке его пульсировала боль. Каким будет следующий ход, и кто его сделает? Бобби накрыл сон.

За 48 лет до этого, август 1956 года

Представляя свою белую пешку стоящей на две клетки впереди короля на воображаемой шахматной доске, 13-летний Бобби Фишер объявил свой первый ход противнику, Джеку Коллинзу: «Пешка на четвертое поле от короля». Бобби использовал описательную нотацию, при которой о перемещении фигуры на конкретное поле нужно «рассказать». Произнося эти слова, он сделал легкое, почти незаметное движение головой, едва уловимый кивок, словно толкающий невидимую пешку вперед.

Коллинза, уменьшенную копию взрослого человека – задержавшиеся в развитии ноги не позволяли ему ходить – катил в инвалидной коляске по полной народа улице Нью-Йорка темнокожий слуга по имени Оделл. Он был настолько силен, что во времена, когда не знали еще вспомогательных наклонных пандусов, мог поднять Коллинза вместе с коляской и занести их обоих по лестнице в ресторан или домой. Оделл редко говорил, но был дружелюбен и предан Коллинзу душой и телом, и с тех пор,

как познакомился с Бобби, проникся и к нему глубокой симпатией.

Рядом с Коллинзом шагала его младшая сестра Этель, упитанная, но очень милая дипломированная медсестра, почти всегда сопровождавшая брата. Она обожала его и отказалась от всего – даже от женитьбы – чтобы заботиться о нем. Хотя Джек и Этель лишь этим летом познакомились с Бобби, вскоре они едва ли не заменяли ему родителей.

Феллиниевский квартет говорил на таинственном языке с упоминанием людей, обладающих титулами времен феодализма и живших века назад. Прохожие, пока они шли по Бруклину от Ленокс-роуд и Бедфорд-авеню до иногда шумноватой Флэтбуш-авеню, обращали на них внимание. Но их это не смущало, они жили в своем мире, в котором объединялись континенты и тысячелетия, населенном королями и придворными, раджами и принцами. Пунктом назначения для них являлся китайский ресторан «Серебряная луна».

«Пешка на четвертое поле от ферзевого слона», – ответил Коллинз *basso profundo*, очень низким басом, слышимом и на другой стороне улицы.

Как профессиональный музыкант может читать ноты с листа и слышать музыку в голове, так шахматный мастер с хорошей памятью способен читать запись партии и видеть ее «глазом разума». У композитора Антонио Сальери выступили слезы радости, когда он прочел часть моцартовской партитуры еще до исполнения произведения. Таким же образом на некоторых шахматистов может эмоционально подействовать переигрывание в уме блестящей партии великого маэстро.

Фишер не только визуализировал партию без доски, фигур и печатного бланка; он составлял ее, монтируя кинофильм в своем уме. Двигаясь неспешно по Флэтбуш-авеню, Бобби с Коллинзом играли «вслепую» – формат игры, практикуемый уже веками. Существуют свидетельства, датированные 800-ми годами нашей эры, о том, что кочевые арабы играли без доски и фигур в игру, похожую на шахматы, пе-

редвигаясь по пустыне на верблюдах. У многих любителей шахмат – и, тем более, у тех, кто не знает их правил – вид двух играющих без доски способен вызвать изумление. Удивительные подвиги памяти могут показаться мистическими.

Коллинз более чем хорошо знал шахматную стратегию. Он являлся соавтором последней на тот момент редакции своего рода библии для шахматистов «Современные шахматные дебюты», в которой содержались тысячи вариантов, позиций, анализов и рекомендаций. Бобби, ставший учеником Коллинза, уже несколько лет изучал партии прошлого и настоящего, и теперь погружался в его библиотеку, содержащую сотни книг и журналов.

Было сыро, вот-вот мог зарядить дождь. В начале того года Фишер победил в юниорском чемпионате США, проведенном в Филадельфии, а сейчас он только что вернулся из Оклахома-сити с открытого чемпионата США, став самым юным игроком, когда-либо принимавшим в нем участие. Коллинз побеждал в чемпионате штата Нью-Йорк, он был ветераном и известным учителем шахмат. Ему было 44 года.

Странная пара продолжала свою невидимую партию. Бобби руководил в уме белыми фигурами, Коллинз – черными. Борьба шла как на качелях, каждый выступал то в роли хищника, то дичи.

Бобби до поры до времени был ниже среднего роста для своего возраста, и сейчас рост его составлял 5 футов и 4 дюйма. Но он начинал вытягиваться и одежда ему уже явно становилась мала. К 18-ти годам его рост достиг 6 футов и двух дюймов. У него были карие глаза и... улыбка во все зубы с небольшой щелью между двумя передними, улыбка счастливого ребенка, желающего, чтобы его любили или, по меньшей мере, не бранили по пустякам. Этим вечером на нем была рубашка поло, коричневые вельветовые слаксы – несмотря на август – и поношенные черно-белые 5-долларовые кеды. Говорил он слегка в нос, вероятно, ему требовалось удалить миндалины и аденоиды. Его волосы были подстрижены под ёжик, словно однажды мать Регина или

сестра Джоан подрезали их коротко и с тех пор расческа их не касалась. Бобби походил больше на мальчика с фермы из Канзаса, чем с улиц Бруклина.

Обычно он шел впереди Коллинза и остальных на несколько шагов, испытывая желание идти быстрее, но сдерживаемый необходимостью объявлять ходы или получать ответы учителя. Бобби всегда делал ответный ход молниеносно, реакция рождалась где-то глубоко в подсознании – он словно видел слонов, несущихся по диагоналям, коней, скачущих через фигуры и пешки, ладей, занимающих критические поля. Иногда он расщеплял свою умственную гимнастику, отодвигая в сторону воображаемую доску для того, чтобы схватить сказочную битку и послать незримый мяч на левые трибуны стадиона «Эббетс Филд». Даже сильнее, чем чемпионом мира по шахматам, Бобби Фишер хотел быть Дьюком Снайдером, игроком-легендой бейсбольной команды «Бруклин Доджерс».

Удивительно, что Фишер уже в 13 лет легко и сильно играл вслепую. Многие опытные шахматисты на такое не способны. Но дело вовсе было не в том, что мальчик *предпочитал* играть, не глядя на доску; просто он хотел посвящать шахматам всё свое свободное время, и двадцатиминутная прогулка от дома Коллинза до китайского ресторана была слишком долгой, чтобы оставаться без шахмат. И он как будто не замечал ни шума транспорта, ни какофонии музыки и голосов, наполнявших авеню.

В своем юном возрасте Бобби успел сыграть тысячи партий, многие из них в формате, называемом «рапид» или «блиц». Вместо обычных для «турнирных» партий двух часов, блиц-партии зачастую заканчивались за десять минут; противники получали по пять минут на партию, – или того меньше, если требовались испытания покруче. Иногда даже применяется правило, согласно которому каждый ход должен быть сделан в одну секунду. Размышлять, по существу, некогда, нет времени на внутренние диалоги типа: *Если я поставлю слона на это поле, а он отведет своего коня сюда, тогда, может быть, я переведу ферзя сюда – нет, это не*

рядом у кровати. Когда Бобби испытывал сильные боли в ногах, Скулассон их массировал, используя тыльную сторону ладони. Бобби однажды посмотрел на него и произнес: «Ничто так не успокаивает, как человеческое прикосновение». Однажды Бобби проснулся и спросил: «Почему вы так добры ко мне?» Понятно, у Скулассона не было ответа.

Д-р Йонссон начал испытывать давление со стороны руководства больницы, желавшей выписки Бобби, поскольку он отказался от прохождения полного курса лечения. Йонссон понимал, что выписка станет для Бобби смертным приговором, поэтому под разными предлогами продолжал держать Бобби в больнице, пытаясь создать ему достаточно комфортные условия. Не сообщая о том Бобби, сестры стали колоть ему морфий, дабы ослабить боль. В конце концов, смертельно больного, но всё еще упрямо отказывающегося от полноценного лечения, в декабре 2007 года его выписали из больницы и вернули в квартиру на Эспергерди, где Сверриссон, его жена Кристин и двое их детей, живших двумя этажами ниже Бобби, стали его помощниками и охранителями. В особенности это относилось к Кристин, которая ухаживала за ним, используя свои навыки сиделки.

Выход из больницы поначалу укрепил дух Бобби, он почувствовал себя лучше, и даже ходил в кино с 21-летним сыном Сверриссона, профессиональным футболистом. На Рождество, когда весь Рейкьявик горит огнями и украшен рисунками *Curier* и *Ives*, и праздник длится и длится, приехала Миёко и осталась с ним в его апартаментах на две недели. 10 января 2008 она улетела обратно в Токио, теряя день из-за разницы во времени. Вскоре она получила звонок от Сверриссона о том, что состояние Бобби серьезно ухудшилось. Ей потребовалось время на покупку билетов, и когда она прилетела в Исландию, Бобби уже отвезли в госпиталь на машине Сверриссона. Он мирно скончался в больнице 17 января. Подобно числу клеток на шахматной доске – ироническое совпадение, которому не стоит придавать много значения – ему было 64 года.

ЭПИЛОГ

Борис Спасский испытал шок. Обеспокоенный болезнью Бобби, он постоянно следил за ситуацией. И... неожиданная новость – Бобби умер. Неспособный выразить боль утраты, он отправил и-мейл Эйнару Эйнарссону: «Мой брат умер».

Этими тремя словами он выразил, как глубоко его чувство в отношении Бобби, хотя мир об этом уже знал. Однажды он сказал, что «любил» Бобби Фишера... как брата. На матче 1992 года он публично заявил, что готов биться, «и я буду биться, но с другой стороны, мне хочется, чтобы Бобби выиграл, ибо считаю, что Бобби должен вернуться в шахматы». Когда Бобби заключили в Японии в тюрьму, Спасский вполне серьезно заявлял, что готов разделить с ним камеру (и шахматную доску). Уважение Спасского к своей Немезиде граничило с низкопоклонством и даже страхом. Однажды он сказал: «Вопрос не в том, выиграешь ты или проиграешь Бобби Фишеру, вопрос – выживешь ли?» Но между ними была настоящая дружба, выходящая за пределы шахматной доски, и Спасский всегда это подчеркивал. Ему казалось, что они «слышали» друг в друге присущее бывшим чемпионам беспокойное одиночество, ностальгию, незнакомую большинству.

За три недели до смерти Бобби Спасский послал своему старому другу полушутливое сообщение, в котором просил слушаться во всем докторов, и писал, что после его «вызволения» из больницы им нужно связаться.

Спасскому сообщили, что состояние Бобби тяжелое, но он не осознавал, насколько. Исландская традиция не поощ-

ряет обсуждение болезни за пределами семейного (и близких друзей) круга, но по причине заботливых высказываний Спасского о его многолетнем противнике, Эйнарссон посчитал его принадлежащим «семье» Бобби и дал ему знать, что состояние его друга ухудшилось. Спасский написал: «Я испытываю братские чувства в отношении Бобби. Он хороший друг».

В последние дни своей жизни Бобби становился всё более слабым, он едва мог говорить, организм отторгал пищу. Его губы всегда были сухими. Либо 48-летний Гардар Сверриссон, сам нездоровый, либо его жена Кристин, медсестра, оставались с Бобби у него на квартире всю ночь, приглядывая за спящим Бобби и ухаживая за ним, если он просыпался.

Бобби сказал Гардару, что хочет быть похороненным на скромном деревенском кладбище, расположенном неподалеку от городка Селфосс, что примерно в часе езды от Рейкьявика, на земле фермерской общины Лаугардаелир. Кладбищу, как утверждалось, было уже тысяча лет; устроили его, когда Эрик Рыжий* отправился в Гренландию, и Альтинг – исландский парламент (первый в Европе) – уже был создан. По иронии судьбы, именно это государственное образование и дало гражданство Бобби в 2005 году.

Скромная лютеранская церковь – часовня, скорее, похожая на декорацию к драме Ингмара Бергмана и способная вместить не более 50-ти прихожан одновременно, охраняет территорию кладбища. Бобби ощутил умиротворяющую атмосферу этого места, когда посещал родителей жены Сверриссона, живущих в Селфоссе. Бобби и его друг Гардар долго гуляли среди древних скал по узким тропинкам. В памятной статье, опубликованной в «Айслэнд Ревью», писатель Сара Бласк подытожила чувства Бобби касательно своего

захоронения: «Он просто хотел быть похороненным, как обычный человек – не шахматист, просто *личность*».

Бобби долго не хотел признаться самому себе, что умирает, но когда смирился с неизбежным, то ясно дал понять Сверриссону, что не нужно ни фанфар, ни медийного цирка, ни пышных похорон, достаточно простой *частной* церемонии. Желая управлять ходом событий до конца, он особенно настаивал на том, чтобы никто из его «врагов» не присутствовал на похоронах: то есть тех, кто эксплуатировал его, или с кем он «враждовал». И прежде всего, не должно быть журналистов, телекамер и зевак-туристов.

Сверриссон организовал похороны и постарался строго соблюсти все последние указания Бобби. Он понимал, что другим членам RJF-комитета, без устали работавшим на Бобби, будет нанесена глубокая обида тем, что они не смогут отдать дань последнего уважения посещением церемонии похорон, но он являлся верным другом Бобби, и все последние годы оберегал его и выполнял все пожелания. Эта последняя услуга, оказанная другу, на долгое время вызовет к нему чувство недоброжелательства со стороны некоторых членов RJF-комитета, а также других людей, ощущавших себя близкими Бобби во время его жизни в Исландии. Рассел Тарг, кузен Бобби, был особенно раздосадован, поскольку прилетел из Калифорнии специально на похороны и только чтобы узнать, что он опоздал на несколько часов. Шахматная Федерация США прислала коммюнике в адрес Исландской Шахматной Федерации с запросом относительно места захоронения тела Бобби, вероятно, с целью отвезти его на родину в США – идея, которая Бобби точно не понравилась бы. В момент ухода его из жизни Сверриссон особенно остро почувствовал своим долгом точное выполнение пожеланий друга – он будет похоронен в том месте, в то время и как того хотел Бобби.

Понадобилось несколько дней, чтобы всё подготовить: выкопать могилу, что нелегко зимой в Исландии в промерзшей вулканической породе; найти священника, собрать необходимые документы, чтобы можно было забрать тело из

* *Эрик Рыжий* (950–1003) – скандинавский мореплаватель, основал первое поселение в Гренландии. Отец Лейфа и Торвальда Эрикссонов, доколумбовых первооткрывателей Америки. – *Прим. ред.*

морга; и после осуществления всех этих мер – дожидаться прилета Миёко из Японии. Через четыре дня после его смерти в восемь часов вечера катафалк с телом Бобби отправился в часовую поездку в Селфосс, оттуда – на кладбище. Процессия двигалась без какой-либо помпезности, как того желал Бобби; катафалк с останками величайшего шахматиста в истории на пути в Лаугадаелир поджидали порывы гжуче-холодного зимнего ветра. Снег зарядил с утра, а теперь потемнело, лил дождь. Сверриссон, его жена, двое детей и Миёко приехали в Селфосс за день до этого, дабы убедиться в завершении всех деталей.

Отец Якоб Ролланд, миниатюрный католический священник, выходец из Франции, которому выпала уже честь участвовать в похоронах Халлдора Лакснесса (единственный исландский нобелевский лауреат – в области литературы – и обращенный в католицизм) произнес несколько слов благословения, проведя, как сообщают, параллель между похоронами Бобби и Моцарта, прежде чем гроб опустили в могилу. «Как и того – хоронят в присутствии немногих, и он обладал таким же, как и тот, умом, способным видеть то, что другие еще даже не начали понимать». Не было ни панихиды, ни фимиама, ни реквиема. Даже звезды, обычно хорошо видимые на незагрязненном небе, спрятались за дождевыми облаками в эту мрачную ночь. Церемония заняла двадцать минут, после чего ее продрогшие участники покинули кладбище. На могильном холме торопливо поставили белый деревянный крест с табличкой, на которой было написано:

Robert James Fischer

F. 9 mars 1943

D. 17 januar 2008

Hvil i friði

«Покойся с миром», – на древнеисландском языке.

Через несколько недель ежедневный автобус начал курсировать из Рейкьявика – иногда два-три раза в день – с зеваками-туристами, которых так отчаянно хотел избежать

Бобби. Могила, теперь уже с мраморным надгробием высотой в два фута, стала одной из главных достопримечательностей Исландии.

На момент смерти состояние Бобби Фишера составляло более 2 млн долларов – главным образом призовые, оставшиеся от 3,5 млн долларов, полученных в 1992 году за матч со Спасским. Но Фишер, так стремившийся всё контролировать на шахматной доске и вне ее, не оставил завещания. Быть может, он полагал, что сможет управлять течением собственной болезни и не верил, что умирает до тех пор, пока не стал слишком больным, чтобы заниматься документами. Или, быть может, странным образом его забавляла мысль, что его деньги станут причиной споров, что они инициируют причудливый шахматный матч, в котором возможные получатели наследства будут по очереди делать ходы, стремясь получить более выгодную позицию.

Четыре человека претендовали на то, чтобы считаться законными наследниками Бобби: Миёко Ватаи, которая жила с Бобби и утверждала, что являлась его женой; Николас и Александр Тарги, племянники Бобби (два сына его умершей сестры Джоан) и Джинки Янг, заявившая, что приходится ему дочерью. Все направили нужные бумаги в Исландию и теперь ожидали, пока местный суд их рассортирует. Правительство США также вступило в спор в надежде взыскать налоги, не уплаченные Бобби за последние двадцать лет.

Согласно законодательству Исландии жена получает 100% имущества мужа, если нет детей, и только одну треть, если есть один или более ребенок. У исландского суда вызвало сомнение японское свидетельство о браке, полученное от Миёко, поскольку она представила лишь его фотокопию, и у нее возникли трудности с доказательством, что она – законная жена Бобби.

С братьями Тарг вопросов не возникало – они были его племянниками. Теперь уже взрослые люди – один врач, другой юрист – оба жили в Калифорнии. Они ясно понимали,

что могут получить наследство только в том случае, если «более близкие» родственники – такие, как жена или ребенок – не докажут, что они законные наследники. Им стоило, поэтому, попытаться оспорить законность других исков.

И наконец, Джинки. Ей исполнилось восемь лет на момент смерти Бобби, который поддерживал ее финансово с самого рождения. Исландские друзья говорили, что Фишер был добр к девочке, играл с ней и покупал подарки во время ее пребывания в Исландии. Но удивительно, что во все три года жизни Бобби в Исландии, Джинки и Мэрилин посетили Рейкьявик всего однажды, провели месяц и жили отдельно от Фишера.

Через полтора года после смерти Бобби Мэрилин и Джинки снова прилетели в Исландию, на этот раз – чтобы предъявить свои права на наследство. Для представления интересов ребенка через посредничество Эугенио Торре был нанят исландский юрист Тордур Богасон, который подал прошение в суд о проведении ДНК-теста с целью доказать отцовство Бобби. Получить образец ДНК Джинки проблем не составляло: врачи просто взяли у нее кровь. Но получить образец ДНК Фишера оказалось намного сложнее. Национальный Госпиталь Исландии, где Бобби умер от почечной недостаточности, не сохранил образцы его крови. Его вещи всё еще оставались у него на квартире в Рейкьявике, но как сказать с определенностью, что волос, взятый с его расчески, принадлежит именно ему? Уверенным можно быть, только если взять образец непосредственно с тела Бобби. Только так можно снять все вопросы, было общее мнение. В США ФБР, которое часто брало образцы ДНК в делах, связанных с преступлениями, рассматривало результаты такого тестирования, если оно выполнялось по последнему слову науки, неоспоримым доказательством.

Экстумация тела Бобби многие месяцы была едва ли выполнимой: его могилу занес снег, и копать замерзшую исландскую землю очень трудно до поздней весны. А пока шли споры о целесообразности экстумации в нижних палатах суда, окончательный вердикт вынес Верховный Суд

Исландии: он постановил, что Джинки имеет право знать, является Фишер ее отцом или нет.

В 3 часа ночи 5 июля 2010 года могила Бобби Фишера была вскрыта группой экспертов из Официального управления кладбищами Рейкьявика. Необычное время для проведения эксгумации выбрали для того, чтобы помешать репортерам или зевакам увидеть труп, и не дать его сфотографировать. После снятия почвы до уровня крышки гроба, его окопали по периметру, чтобы рядом могли встать несколько человек. Мрачная группа людей, словно оплакивающих покойного, смотрела вниз на гроб и на выкопанное вокруг него пространство: преподобный Кристин А. Фридфиннссон, пастор церкви; некоторые из церковных старейшин; судебные эксперты; официальные правительственные лица; юристы, представляющие интересы каждой из сторон; д-р Оскар Рейкдалссон, руководивший эксгумацией; и Олафур Кьяртанссон, шериф Селфосса – городка, расположенного рядом с кладбищем. Все они присутствовали с тем, чтобы обеспечить уважительность и профессионализм процедуры, и для того, чтобы эксгумация не была скомпрометирована.

В четыре часа утра, непосредственно перед взятием пробы на ДНК, над местом захоронения развернули большой белый тент, чтобы еще надежнее закрыть происходящее от посторонних. Наступало тихое и красивое летнее утро с мирным ветром.

Гроб не поднимали и не двигали, но крышку открыли. Некоторые журналисты писали, что тело не извлекали, а просто буром пробрили землю, крышку гроба и так добрались до тела Бобби. Шериф Кьяртанссон на следующий день опроверг это утверждение. Никакой бур не использовался, заявил он, образцы взяты непосредственно из тела Бобби.

Обычно при ДНК-эксгумации забирают *несколько* образцов на случай, если один окажется непригодным. Судебные медэксперты рекомендуют брать образцы из ногтя, зуба, ткани тела и бедра. При эксгумации Бобби был взят

фрагмент кости маленького пальца левой ноги в дополнение к семи образцам ткани – достаточно для точного тестирования. Как только процедура была завершена, гроб засыпали землей вперемешку с лавой и пылью от остаточного пепла, занесенного в Селфосс после недавнего извержения вулкана. Травяной торф, снятый с могилы при эксгумации, вернули на место. Образцы упаковали и отправили в судебную лабораторию в Германию для анализа. От исландской ДНК-лаборатории отказались, чтобы исключить возможность компрометации или споров.

Идея потревожить мертвое тело любому может показаться кощунственной – некоторые религии, как, например, ислам или иудаизм, это запрещают (допуская лишь в исключительных случаях), но Бобби, охранявший свою личную жизнь, и – особенно ближе к смерти – как мало кто в мире, безусловно, счел бы произошедшее финальным актом неуважения. Даже после смерти его не оставили в покое.

Но, в каком-то смысле, он стал высшим судьей. Согласно статье 17, акт 76/2003 исландского парламента «мужчина считается отцом ребенка, если результат ДНК-анализа безусловен [в отношении факта, что он отец]. Иначе он не считается отцом». Через шесть недель после эксгумации окружной суд Рейкьявика объявил результаты анализа: ДНК-пробы не совпадали. Бобби Фишер *не* является отцом Джинки.

Итак, Джинки более не считалась наследницей, претендентами оставались Миёко Ватаи, племянники Тарги и налоговое ведомство США.

Подобно шахматной партии между равными соперниками, борьба продолжалась. Сэмюэль Эстимо, шахматный мастер и юрист Джинки на Филиппинах, написал Богасону – исландскому коллеге, что признавать отказ по иску Джинки еще рано. Полагая возможность мошенничества, Эстимо написал письмо в «Нью-Йорк Таймс», а также в другие медиа следующего содержания:

Эксгумация могилы Бобби Фишера проводилась с процедурными нарушениями. Его гроб следовало извлечь

из могилы и открыть, чтобы быть уверенными в том, что семь образцов ткани, взятые с останков, находящихся в гробе, принадлежали именно Бобби Фишеру. Процедура вызывает сомнения. Место захоронения принадлежит семье Гардара Сверриссона, близкого друга Миёко Ватаи, одной из истиц по делу о наследстве Бобби. Он имел полный доступ к могиле без ведома пастора. Фишер был похоронен перед церковью ранним январским утром без уведомления пастора. Кто знает, что могло произойти между датой похорон и днями перед эксгумацией.

Хотя Богасон предупреждал Эстимо, что его предположения посчитают клеветническими, и что ему следует признать дело закрытым для его клиента Джинки, Эстимо решил *не* сдаваться. Он запросил ДНК-образцы от племянников Бобби, чтобы проверить через их семейную наследственность, действительно ли образцы, взятые при эксгумации, соответствуют ДНК Бобби. Очевидный подтекст запроса Эстимо – что другое тело взамен тела Бобби каким-то образом поместили в могилу – стало для многих проверкой на доверчивость. А идея обмана при эксгумации казалась еще более невероятной. В присутствии стольких официальных лиц, врачей, ученых, представителей церкви – всех этих людей, стремившихся ответить на вопрос, являлся ли Бобби отцом Джинки, казалось невозможным, что эксгумация могла быть осуществлена не должным образом. Тем не менее, исландский суд вновь открыл дело, чтобы юрист Джинки мог представить дополнительные свидетельства в пользу ее утверждения, будто она приходится Бобби дочерью. Богасон, не согласный с Эстимо, вышел из дела. Эстимо вновь попросил, чтобы братья Тарги предоставили *их* ДНК для сравнения их образцов с теми, что были взяты из гроба. Если они не совпадут, Эстимо мог бы утверждать, что образцы, взятые из тела Бобби, подделаны.

Но даже если результат теста окажется положительным, Эстимо утверждал, что Джинки Янг должна считаться его

наследницей, поскольку Бобби обращался с ней как с дочерью. Но возникал вопрос: если бы наследство не было столь большим, велась бы борьба за то, чтобы считаться законным наследником Бобби, столь же остро? Но дело не только в деньгах: на кону была законность отцовства – биологического или номинального, и филиппинской нации хотелось знать, является ли ее гражданка Джинки Янг дочерью величайшего шахматиста в истории.

Тем временем у братьев Тарг на пути к наследству осталась одна претендентка – Миёко. Или, во всяком случае, Миёко *оставалась бы* единственным препятствием, если бы не правительство США, которое, по иронии судьбы, может выйти из этого шахматного матча главным победителем*. Если налоговое ведомство США сумеет получить налоги, не уплаченные Бобби, а также штрафы, «призовой фонд» в миллионы долларов, за который борются предполагаемые наследники, существенно уменьшится. От целого состояния могут остаться гроши, что станет для наследников поражением.

И каким же останется наследство, завещанное Бобби? Для шахматистов, для всех тех, кто следил за историей взлета Бобби Фишера, которого многие считают величайшим шахматистом из всех, когда-либо живших на Земле, его наследием – для наследников, равно как и для всего мира – может стать благоговейное восхищение, которое вызывало его блистательное искусство.

* В марте 2011-го года продолжавшийся более трех лет спор вокруг наследства великого шахматиста, наконец, завершился. Суд подтвердил законность брака американца и японки, признав вдову Фишера единственной законной наследницей. – *Прим. ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя начал я писать книгу о Бобби много лет назад, его жизнь и блестящую, противоречивую карьеру отличали такие причудливые извивы, что мне стало понятно: часть ранее мною написанного о нем – например, вера в то, что он станет самым активным чемпионом мира в шахматной истории – и некоторые сведения, полученные мною от людей, знавших его и встречавшихся с ним за доской, должна быть прояснена или переоценена. «Ртутный» Бобби постоянно открывался новыми и неожиданными гранями своей личности; обнаружившиеся после смерти некоторые новые сведения о нем выходят далеко за пределы моих ожиданий. Попытка «измерить» мутации Бобби Фишера стали причиной написания книги «Роберт Фишер: Конец игры».

До написания книги я не мог предвидеть, как отнесутся к ней читатели. Бобби Фишер умер в 2008 году, достигнув пика своей славы более сорока лет назад; о нем и его партиях уже написано около сотни книг. Но оставался неугасающий интерес к его личной жизни. Одни чувствовали к нему симпатию, другие – отвращение, но очарование сохраняется, как это происходит с такими загадочными фигурами, как Грета Гарбо и Дж.Д. Сэлинджер. Годы идут, появляются новые книги, статьи, фильмы и исследовательские работы относительно Бобби. В них предпринимаются не только попытки понять особенности его личности, но и приводятся самые сокровенные детали его жизни – где он жил, что читал, личные привычки, капризы и цинизм, очарование и неудержимая энергия – в надежде отыскать ключ к его гению. Что сделало Фишера великим шахматистом? Что сделало